

Святослав Тимченко

ПРЕКРАСНАЯ мастерская с видом на Финский залив у петербургского художника Савелия Лапицкого. Казалось бы, отсюда, с высоты девятого этажа, сам бог велел рисовать замечательные морские пейзажи. Но взор художника и сегодня обращен в прошлое, в котором кровотоцит лагерная молодость. В память впечатались тундра, бараки и бесконечная вереница лиц, среди которых он узнает и себя.

УРОКИ ЖИВОПИСИ

— Был такой невеселый анекдот, — вспоминает Савелий Яковлевич Лапицкий. — У Сталина интересуются его хобби. Он отвечает, что коллекционирует анекдоты. «И много вы их уже собрали?» — спрашивают его. «Да сотня лагерей будет», — отвечает Сталин.

Я как раз и стал одним из ходячих анекдотов Сталина, который собирал коллекционировать меня в сибирских лагерях аж десять лет. Благо, представился он в марте 1953-го, а то трубить бы мне от звонка до звонка.

вора из Одессы, которого знал и которому поклонялся весь преступный мир страны. Какая рожа! Классика криминалистики. Правда, кончил он плохо. Свои же и убили, когда прознали, что он ссучился.

Однажды у меня украли свитер. А без него в таких условиях просто погибь. Пошел к пахану, я его незадолго до кражи рисовал. Тот снисходительно буркнул: «Через три дня вернут». И точно вернули. Воришка оказался из вольнонаемных, так его на свободе братва достала, после чего тот, словно побитая собака, нашел меня и отдал свитер мне в руки.

Впрочем и паханов умели ломать. Был у нас авторитет по кличке Гусь. Ему по совокупности 75 лет срока отмерили. И еще бы, ведь на нем три убийства и пять грабежей висели. Боялись его в зоне, даже лютый был. Я, когда его рисовал, тоже перетрухнул. Он ведь даже вохру ни в грош не ставил, а то и открыто куда подальше посылал.

Однажды пришел в зону новый начальник ВОХРа — лейтенант по спецнабору сразу после окончания высшего военного училища внутренних войск. Он сказал на построении: «Все! Для блатных лафа кончилась. Я не я буду, если не заставлю их работать». И начал, конечно, с Гуся.

Был у нас один лейтенант по прозвищу Красавчик, что вполне соответствовало его внешности. Поводился Красавчик в бараки ходить и с зеками в карты дуться. Его застукали за этим занятием, обвинили в панибратстве с заключенными, исключили из комсомола и хотели уже отдать под трибунал, но в последний момент пожалели и дали возможность «смыть свой позор». А как его смоешь? Известное дело, застрели зека. И такой случай вскоре ему представился. В лагере был побег, собаки рвали беглецов, валили их на землю. Вохровцы обступили одного такого, подвели к нему Красавчика и поставили ультиматум: сейчас или никогда. Говорят, Красавчик немного поколебался, но потом все же достал из кобуры пистолет и, несмотря на мольбы обреченного, выстрелил ему в голову.

БАНДЕРОЛЬ

Однажды я понял, что мой художественный промысел не спасет меня от гибели. Наоборот. Портреты приходилось рисовать после изнурительного рабочего дня, значит, на отдых совсем не оставалось времени.

Днем я выбивался из сил, таская бревна. Как политическому мне «выпала честь» вставать под ко-

С тех пор ожиданию ватмана была подчинена вся моя жизнь. Шли недели, месяцы... через полгода вызывают меня в ВОХР. Старшина распахивает бандероль и ничего не понимает при виде готовальни и ее содержимого. «Это что же такое?» — спрашивает он. «Рейсфедер, — отвечаю я, — это циркуль, я до ареста Ньютоном был». «Это работа такая?» — спрашивает военный и, получив мой утвердительный ответ, разрешает пользоваться всем этим только по ночам, а утром славать в каптерку.

Жизнь моя еще больше усложнилась. Днем адский труд, ночью сию над чертежами. Прошло полгода, прежде чем у меня родилось «нечто». На ватмане это выглядело солидно: изящный чертеж, колонки расчетов с применением алгебры, геометрии, тригонометрии. На деле же я понимал, что вся моя система противослов была настолько сложна и громоздка, что никто не рискнет воплотить ее в жизнь. С другой стороны, где-то же в этом бардаке должно было находиться Управление строительством, а при нем — голубая моя мечта — маленькое КБ!

Я отправил свои труды по инстанции и уже через пару недель услышал долгожданное: «Лапицкий, на

Независимая газ. - 1999 - 25 мая - с. 15

ХОДЯЧИЙ АНЕКДОТ
СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА

Взор художника и сегодня обращен в прошлое, в котором кровотоцит лагерная молодость

Арестовали меня в центре Львова сразу после встречи нового 1949 года. «Воронок» доставил меня в СМЕРШ, который занимал почему-то часть помещения в большом доме с вывеской «Ателье». Следователь-офицер с остервенением сорвал с меня сервантские погоны. Сначала думал, недоразумение какое-то. Но шли дни, недели, месяцы, а меня все держали в камере-одиночке. Единственным разнообразием были редкие и, как правило, ночные допросы.

Поначалу пытался протестовать. 11 дней держал голодовку. Но потом понял, что плетью обуха не перешибить, и сменил тактику поведения.

Поводом для ареста послужил обыкновенный солдатский треп. Я был военным корреспондентом армейской многотиражки «Крылья Родины», базировавшейся во Львове. Ребята подобрались острые на слово, неугомонные на шутку — после войны все ничем было. Собирались, как водится, за дружеским столом, травили анекдоты, байки всякие. С нами всегда и цензор наш сиживал — старый большевик, но хороший дядька, а главное — свой. Как потом выяснилось, имел он по тем временам одну неповторимую привычку: анекдоты да хохмы военные в дневник свой записывал. Как-то попала эта тетрадь в руки его приятеля, а тот стучачом оказался... И потянулась цепочка. Ничто превратилось в Нечто, в итоге бдительные органы вскрыли «заговор» и подпольную контрреволюционную организацию в армейской среде.

Трезвый рассудок, хорошо развитая интуиция, а также полугодовое пребывание в камере-одиночке помогли мне понять, что застрял я всерьез и надолго. Нужно было думать о том, как выжить. Что у меня для этого было? Молодость — раз. Война за плечами, а я прошел ее механиком авиаполка в составе 4-го Украинского фронта, — два. Посланный Всевышним дар — умение рисовать — три. Еще вспомнил, что я, должно быть, потомственный зек, поскольку отец мой с 1907 по 1911 год сидел в Екатеринбургской тюрьме по одному политическому делу со Свердловым. Восстановил в памяти все рассказанное отцом о тюремных порядках и традициях, что впоследствии очень пригодилось.

Суд объявил мне 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах. Замелькали за окошком теплушки станции и полустанки. Львовский СМЕРШ я сменил на Красноярскую тюрьму, потом «перекатывался» из лагеря в лагерь между Салехардом и Игаркой, участвуя в «великой стройке» — строительстве знаменитой дороги в никуда. Таким образом, слова из песни «Молодом везде у нас дорога» пророчески воплотились для меня в дорогу, состоящую из 12 этапов, 4 тюрем и 5 лагерей.

ЗОНА

В зоне каждый выживал как мог. Легче всего было врать в законе, голворезам. Эти на работу не ходили, на лагерные порядки плевали. Вохровцы относились к ним более или менее лояльно.

С первых же дней пребывания в зоне я понял: с блатными надо дружить. Потому рисовал авторитетов бесплатно. Очень скоро я даже увлекся этим занятием. Такие колоритные физиономии! Рисовал я всех без разбору: левых, правых, сук, панов... Расплачивались кто чем: хлебом, куревом, однажды даже новые женские туфли на каблучках всучили, а их потом у вольных на продукты выменял.

Рисунки делал размером с конверт. Особо понравившиеся физиономии переводил через стекло и оставлял эти наброски в своем «архиве». Большой удачей до сих пор считаю портрет Сливача — виртуозного

На следующем построении он, чтобы избежать бунта, расчленил многотысячный строй заключенных с помощью конвоиров с собаками на небольшие квадраты. Гусь, таким образом, оказался в квадрате из десяти человек, откуда его уже нетрудно было выгнать. Затем лейтенант поставил его перед строем, положил вокруг него четыре веточки и объявил их границами зоны (шаг влево, шаг вправо — стрельба без предупреждения). «А теперь — на колени», — сказал он Гусю. Тот заартачился, мол, обалдел что ли, я же блатной. Толпа уже нутром почувала, что их кумир сломлен: ведь, следуя зековским традициям, авторитет должен был сам броситься в этом случае на автоматную очередь, а не гнусавить перед вохрой на глазах у солдагерников. Из строя стали раздаваться реплики: «Гусь, кончай канитель, жрать хочется, очокуримся тут из-за тебя...» И он дрогнул, опустившись на колени. Лейтенант удовлетворенно сказал: «Ну вот, теперь ты не Гусь, а мокрая курица. Затвора же на работу!» А на следующий день в бараке обнаружился труп Гуся. Убили его свои же, блатные.

Но начальник начальники — рознь. Был у нас капитан 2 ранга, мореман, по прозвищу Добротный. Кличку эту он получил не случайно. Идет он как-то мимо хлебобрезки, смотрит — эки на крыше чего-то возятся. Спросил их, что за задание они выполняют. Один из зеков бойко отпартовал: «Крышу чиним, гражданин начальник!» После этого капитан по-отечески напутствовал их: «Добротно делайте все, добротное». На следующий день в зоне ЧП. Оказывается, блатные разобрали крышу, связали сторожа и ночью вынесли за зону ве мешки с сахаром, сбыв их местным жителям. Случай этот произошел на 503-й стройке Салехард — Игарка.

Появление морского офицера во внутренних войсках — тоже непростая история. Добротный, будучи командиром небольшого военного корабля, пропил на нем все, что только можно было пропить. Даже флаг корабельный кому-то под залог оставил да так и не смог его выкупить. Учитывая военные заслуги, его не стали отдавать под трибунал, а отправили в штрафники охранять зеков.

Более легкую часть бревна нес бандеровец. Однажды я упал, и бревно едва не придавило меня. Это увидел начальник лагеря по прозвищу Петюня. На следующий день по его распоряжению я был отправлен в лагерную санчасть. После каторжной работы, скудного пайка больничка показалась мне раем небесным. Тем более что моим соседом по палате оказался парнишка, который действительно полагал, что живет в раю. Это был блаженный юноша с Западной Украины. Он решил повеситься, но его вовремя выгнали из пети и смогли откатать. Несчастный был очень набожным человеком, и после своего «воскрешения» искренне считал, что с ним все происходит уже на том свете. Его считали дурачком, психом, но мне порой казалось, что он-то как раз нормальный человек, а вот вокруг нас — настоящий дурдом.

Начальство, прознав, что я художник, решило использовать мой труд по назначению. Каждое утро меня под конвоем стали водить в военный драмтеатр, где я должен был писать лозунги и плакаты. Судьба свела меня здесь с Дмитрием Васильевичем Зеленковым — художником-декоратором из Мариинки и Александром Истинным аристократом, он уже совсем близок был ко дню освобождения. Но однажды его обнаружили повесившимся в туалете. Перед этим Дмитрий Васильевич шепнул мне, что не видит больше в жизни никаких просветов, и укралкой передал мне свои кисти. Так при весьма грустных обстоятельствах я стал обладателем кистей большого мастера.

Однако театр вскоре закрыли, а меня бросили на общие работы — на разгрузку песка. Норма — железнодорожная платформа на двоих за восемь часов. За это — 400 граммов хлеба.

День за днем я, как заведенный, махал лопатой. Я становился человеком-машиной, и на почве этого у меня появился пунктик: решил сконструировать саморазгружающуюся платформу. Как Дон Кихот объявил войну мельницам, так и решил сражаться с платформами. Написал домой письмо с просьбой прислать мне бандеролью готовальню, баночку туши, линейки и пол-листа ватмана.

вахту с вещшой!» С вещами — значило на этап.

Сколько я шел в сопровождении двух конвоиров, не помню. Помню, только тундра, тундра, тундра... И вдруг, словно «нюхательный галлюциноз», запах борща. Откуда? Однако, вижу, и охранники носами заводили, а вскоре и избушка показалась, источавшая этот дух. Мы были у конечной цели моего этапа — конструкторского бюро стройки.

Приняли меня поначалу прохладно. Сытый голодному не товарищ. У них морды красные, сытые, я же — в чем душа держится. Устроили мне экзамен с подвохом. Велели чертеж на кальку перевести. Только я в рейсфедер тушь набрал, как меня кто-то под локоть толкнул, естественно, на кальку клякса. Я тут же взял и слизнул ее языком. Это самый эффективный способ снятия клякс с кальки, о котором знают лишь специалисты. Судьба моя была решена. Бандероль сделала свое дело.

После смерти Сталина стройка стала сворачиваться, нас погрузили на баржу и отправили в Красноярск. По дороге я заболел желтухой. Все, что можно, менял на сахар, благодаря чему и спасся. С учетом моей работы в КБ я был направлен в конструкторский институт ОКБ-16.

Предприятие, в состав которого входил институт, занималось соединениями сурьмы и висмута. Те, кто имел непосредственное отношение к производству, умирали со-

нями. Ведь там, где висмут, там и радон, а это рак легких. Изначально у заключенных перегорала носовая перегородка. Потом наступали еще более страшные последствия. Что ни день, то самоубийства. Чем так мучаться, лучше одним махом все оборвать. Самоубийцы чаще всего забирались по лестнице на заводскую трубу и сбрасывались с нее. А чтобы вохра за ноги не цеплялась, намазывали лестничные перекладины мылом.

В начале 50-х стало практиковаться условно-досрочное освобождение или освобождение по зачетам. Эти льготы, правда, распространялись на уголовников. Но мне и тут подфартило. Через вольных удалось передать в Союз художников несколько своих работ — портреты зеков-уголовников, страшно интересные рожи, которые я сделал без лбов и ушей, словно маски. Два рисунка тут же вывесили на выставке Союза художников. Держать меня в заключении стало просто неприлично: работы висят, а художник-то сидит...

И вот он, долгожданный день! Вызывают меня в помещение ВОХРа, а там сидят три шефини. Объясняют мне: «Мы — выездной районный суд. За что отбываете наказание?» «За анекдоты», — отвечаю я. «А нам не могли бы парочку рассказать?» — спрашивают они. «Нет, — говорю, — я теперь ученый...» После трехминутного ожидания мне объявляют вердикт: «Свободен!» Облегченно вздыхаю: «Выжил!»

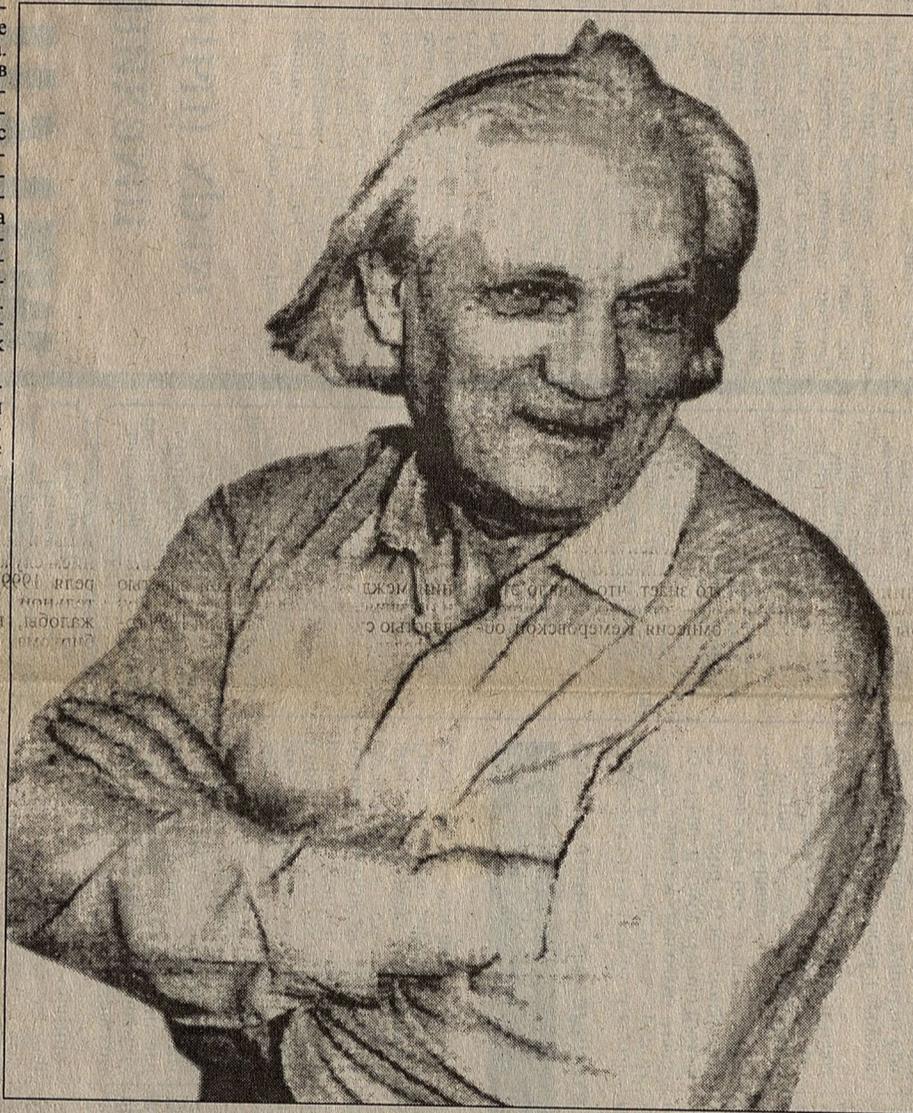
***

Когда ушел из мастерской Савелия Лапицкого, поинтересовался у него, над чем он сейчас работает.

— Пишу портрет Аденауэра по заказу какого-то сумасшедшего немца, — ответил Савелий Яковлевич. — В год, когда меня арестовали, Аденауэр стал канцлером ФРГ. В нашей идеологии он долго подавался в образе врага. Ох, доложу я вам, трудно дается портрет. Лицо сложное, сведенные глаза, печать жестокости, сильной воли...

— А если бы заказали портрет Сталина?

— Написал бы, а что. Дело знакомое. Вон сколько уроков за свою жизнь изобразил. Одним больше, одним меньше...

Савелий Лапицкий. Фото автора